

ЖАН БОДРИЙЯР

ДУХ ТЕРРОРИЗМА

Кофе с мудрецами

Жан Бодрийяр

**Дух терроризма. Войны в
заливе не было (сборник)**

«РИПОЛ Классик»

2002

УДК 1
ББК 87

Бодрийяр Ж.

Дух терроризма. Войны в заливе не было (сборник) /
Ж. Бодрийяр — «РИПОЛ Классик», 2002 — (Кофе с
мудрецами)

ISBN 978-5-386-09705-9

В сборник вошли сразу две из самых известных публикаций выдающегося французского философа Жана Бодрийяра: «Войны в Заливе не было» и «Дух терроризма», посвященные анализу двух глобальных событий – Войны в Персидском заливе 1991 года и террористической атаки на США 11 сентября 2001 года. Бодрийяр по максимуму воспользовался этими двумя поводами обратиться к самой широкой публике и постарался превратить предлагаемые вниманию работы в квинтэссенцию основных положений своей философии, наглядно и доступно проиллюстрировав их всем известными примерами. Война в Заливе прославилась не только участием большого количества стран, но и трансляцией телеканалами на весь мир в режиме реального времени. Однако Бодрийяр утверждает, что это «не-война», это «не-событие», это то, чего не было. Сама постановка вопроса о, казалось бы, совершенно очевидном факте, о том, что видели все в прямом эфире, вызвала довольно серьезный скандал, а блестящая аргументация принесла философу мировую известность. Название книги теперь рассматривается многими как поговорка, мем, даже своего рода мантра. Эта работа Бодрийяра легла в основу не менее культового, чем «Матрица», голливудского фильма «Хвост виляет собакой». Если война в Заливе была для Бодрийяра не-событием, то теракт 11 сентября 2001 явился для него, напротив, «абсолютным событием». «Дух терроризма», состоящий из цикла статей, посвященных анализу терроризма и породившей его глобализации, является логическим продолжением «Войны в Заливе»

не было». Тему терроризма философ разрабатывал еще задолго до того, как она стала актуальной для всех. Поэтому он первый, кто смог предложить наиболее развернутый и оригинальный анализ проблемы.

УДК 1

ББК 87

ISBN 978-5-386-09705-9

© Бодрийяр Ж., 2002

© РИПОЛ Классик, 2002

Содержание

Предисловие к книге	7
Войны в заливе не было	9
Войны в заливе не будет[1]	9
Война в заливе идет на самом деле?	13
Войны в заливе не было	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Жан Бодрийяр

Дух терроризма. Войны в заливе не было

«La guerre du Golfe n'a pas eu lieu» de Jean Baudrillard.

© Editions Galilee 1991

«L'esprit du terrorisme» de Jean Baudrillard.

© Editions Galilee 2002

«Power inferno» de Jean Baudrillard.

© Editions Galilee 2002

© Качалов А. В., перевод на русский язык, 2016

© ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2016

Предисловие к книге

...За семь с половиной тысяч лет истории цивилизации, начиная с Шумера, мир не воевал всего около 360 лет...

Современный мир постоянно и непрерывно меняется во всех формах своего проявления. Как ни цинично и ни печально звучит аксиома, но мы все и наш мир в целом живем в эпоху террористической и военной пандемии. Да, не удивляйтесь, не эпидемии, охватывающей на определенное время некую территорию и после прохождения апогея постепенно затихающей и уходящей в небытие. А именно пандемии, которая, охватывая все цивилизационное пространство, не оставляет ни временных, ни территориальных пустот, заставляя всю цивилизацию перебалывать собой. Это страшная, но реальная аксиома сегодняшнего дня.

Две глобальные войны XX века и выход на грань ядерной катастрофы в период длительной «холодной войны» создали яркие предпосылки неминуемого ухода цивилизации от грани открытой и всемирной войны, которая при уровне современной технологии грозит миру апокалиптическим исчезновением. Таким образом создалась ситуация приверженности к «локальным кровопусканиям», когда конфликты не перерастают в очередной глобальный военный кошмар, а превращаются в нескончаемую череду локальных конфликтов и перемежающихся террористических актов.

Если в системе двухполярного построения мира середины XX века можно было найти некие логические объяснения столкновения социальных доктрин, то дальше мир все более стал перемещать свою активность в виртуальное кино, телевизионное, компьютерное пространство. Информация и ее бесконечное муссирование с постоянным накоплением дефектности и дезинформационности стали обыденностью практически каждого читающего и смотрящего в экран жителя нашей планеты.

Манипулирование информационным полем, виртуализация прагматических действий, к которым цивилизация привыкла за прошедшие семь с половиной веков, начиная с Шумера, перестают быть неотъемлемой частью современных военных и террористических технологий, а становятся лишь постановочными мизансценами в сверхкреативном спектакле.

Автор в присущей ему нестандартной манере представляет свою теорию современного мирового противостояния в террористической и военной средах, опираясь на две противоположные доктрины современной малой войны – максимальной прагматизации и брутальности, с одной стороны, и максимальной абстрактности и размытости – с другой.

Зачастую у читателя может складываться странное впечатление заикленности автора на неких доктринальных концепциях и посылах, но, как в системе отрицания отрицания, это только усиливает ощущение безысходности от массового вовлечения мирового сообщества в происходящие процессы определенными силами и практическую беспомощность большинства противостоять этому процессу «цивилизационного перебалывания военно-террористическим синдромом современности».

Книга потребует от читателя не только внимательного прочтения, но и серьезного включения в сопереживание и логику автора, последовательно и своеобразно излагающего свою картину мирового противостояния.

Часть фактов относятся к прошедшим событиям и не включают яркие, циничные и трагические события нескольких последних лет. Но несмотря на это, мировоззренческая теория, предложенная автором, заслуживает самого глубокого внимания и анализа даже со стороны тех, кто при первичном прочтении будет с ней категорически не согласен.

Терроризм существует на планете столько же, сколько существует сама цивилизация, и исчезнет также с исчезновением жизни на нашей планете. Человеческий разум создает и

модернизирует миллиарды концепций и теорий, вписывающихся в те или иные временные рамки. Скоротечность, нарастание объема и постоянное ускорение информационных потоков в XXI веке нуждаются в своих теориях, позволяющих понять и объяснить суть происходящего и постараться экстраполировать это знание хотя бы на ближайшее будущее.

Изменение политического ландшафта, изменение в сторону все большей циничности политической системы воспитания и самих геополитических технологий, расширение системы множественности стандартов (о системе двойных стандартов говорить уже не приходится), тотальный отход от глобальных дипломатических и моральных устоев в поведении делает нашу среду обитания не просто опасной, но и крайне жестокой. И формы этой жестокости также постоянно меняются вместе с совершенствованием современных технологий, особенно в сфере «информационного отравления». Большинство людей может лишь догадываться о всем комплексе психологических приемов, с помощью которых их подвергают ежедневной, а порой и ежечасной обработке, заставляя становиться невольными участниками тех агрессивных процессов, к которым это самое большинство практического отношения не имеет...

Это маленький срез сегодняшней картины нашего мира. Постарайтесь вместе с автором пройти по логическим закоулкам его пусть и не безупречной, но заслуживающей внимания и глубокой теории осознания самой страшной и самой неизбежной доктрины мира – доктрины террористической войны...

*Иосиф Линдер,
Президент Международной Контртеррористической Тренинговой
Ассоциации, профессор, доктор юриспруденции, Член Союза писателей
России, автор более 35 книг по разведке, контрразведке, терроризму,
истории специальных служб, военно-политической истории, боевым и
военным искусствам*

Войны в заливе не было

Войны в заливе не будет¹

Ссамого начала было ясно, что это война, которая никогда не произойдет². После горячей войны (кровопролитный вооруженный конфликт), после холодной войны (равновесие страха) настало время мертвой войны – размороженной холодной войны, которая не оставила нам выбора, кроме как схватиться с трупом войны, сделала неизбежным контакт с этим разлагающимся мертвецом, которого уже никому в Заливе не воскресить. То, что там делят Америка, Саддам Хусейн и страны Персидского залива, это и есть труп войны.

Война вступила в фазу окончательного кризиса. Уже слишком поздно для (горячей) третьей мировой, она уже состоялась, продистиллированная капля за каплей в годы холодной войны. Другой уже не будет.

Казалось бы, что распад Восточного блока³, благодаря разблокировке системы апотропии⁴, откроет войне новые пространства свободы. Ничего подобного, потому что апотропия не закончилась, как раз наоборот. В прошлом эта система функционировала как взаимное сдерживание между двумя блоками, исходя из потенциально-виртуального⁵ эксцесса средств уничтожения. Сегодня она продолжает функционировать, и даже эффективнее, чем прежде, в качестве системы самоустрашения, полного самосдерживания и саморазубеждения, вплоть до самороспуска Восточного блока. Но с другой стороны, эта система самоапотропии столь сильна, что и американская, да и вообще вся западная власть также парализована своим собственным могуществом и неспособна принять и распределить его в виде баланса сил.

Вот почему войны в Заливе не будет. То, что война увязла в этом бесконечном саспенсе⁶, не обнадеживает, не утешает. В этом смысле важность [gravité] не-события, ареной которого стал Залив, даже больше, чем само событие войны: происходящее соответствует очень опасному периоду разложения трупа, что и вызывает тошноту и беспомощность

¹ Прямая отсылка к известной пьесе Жана Жироду «Троянской войны не будет» (1935). «Войны в Заливе не было» представляет собой переработанные и дополненные статьи, публиковавшиеся в газетах *Libération* и частично в *The Guardian* до, во время и сразу после Войны в Персидском заливе (17 января – 28 февраля 1991 года). Это столкновение между многонациональными силами (во главе с США, по мандату ООН) и Ираком (во главе с Саддамом Хусейном) за освобождение и восстановление независимости Кувейта прославилось не только участием большого количества стран и использованием огромного количества средств, но и тем, что транслировалось телеканалами на весь мир. Сама постановка вопроса Бодрийяром о, казалось бы, совершенно очевидном факте, о том, что все видели в прямом эфире, вызвала довольно серьезный скандал, а блестящая аргументация принесла философу мировую известность. Название книги с тех пор превратилось в поговорку, мем, даже своего рода мантру.

² Дословно название книги звучит как «Война в Заливе не имела места», что Бодрийяр постоянно и обыгрывает, поскольку «не иметь места» означает одновременно «не быть», «не происходить», «не состояться», «не существовать».

³ Восточный блок – термин, использовавшийся на Западе для обозначения социалистических стран Центральной и Восточной Европы во главе с СССР. Часто под этим термином подразумевалась Организация Варшавского договора как противостоящая блоку НАТО.

⁴ Апотропия (*др.-греч.* (пред)отвращение, отпугивание) – термин, используемый для перевода многозначного французского слова *dissuasion* («разубеждение, разуверение, отговаривание» и одновременно «устрашение, отпугивание», а также «сдерживание, удержание, предотвращение»). Наиболее точное толкование: сдерживание путем разубеждения и (или) устрашения, причем угроза зачастую симулятивна.

⁵ Виртуальное – наиболее распространенное значение: то, что не существует в действительности, но появляется благодаря программному обеспечению. Стоит отметить, что в европейских языках это слово многозначно и обозначает также «возможное», «потенциальное», «скрытое», «мнимое», что Бодрийяр постоянно и обыгрывает.

⁶ Саспенс (неопределенность, приостановка; от *лат.* *suspen dere* – подвешивать) – состояние тревожного ожидания, напряжения, беспокойства. Также – подвешенное состояние.

оцепенения. И здесь наши символические механизмы защиты снова оказываются слишком слабыми: у нас пропадает возможность как-то влиять на исход войны, и мы переживаем все происходящее с таким же постыдным безразличием, будто мы все являемся заложниками.

Не-война характеризуется дегенеративной формой войны, которая заключается в манипуляциях с заложниками и переговорах. Заложничество и шантаж – вот самые чистые продукты системы апотропии. Заложник занял место воина. Он стал главным героем, протагонистом-симулякром, а точнее, в своем полном бездействии главным недействующим лицом не-войны. Воины пропали в пустоте (пустыне), на сцене остались лишь заложники, в том числе и все мы – в качестве заложников информации⁷ на глобальной сцене массмедиа. Заложник – призрачный актер, статист на сцене беспомощности войны. Сегодня заложник что-то вроде стратегического объекта, завтра он станет чем-то вроде рождественского подарка, меновой стоимости и ликвидного актива. Фантастическая деградация фигуры, которая представляла собой воплощение невозможного обмена. Благодаря Саддаму Хусейну (который стал капиталистом заложнической стоимости, вульгаризатором коммерческого рынка заложников, пришедшего на смену рынку рабов и пролетариев) даже такого рода крепкая валюта (стоимость) ослабла и стала символом немощной войны. Заняв место военного вызова, заложничество становится синонимом бессилия [*débilité*] войны.

Все мы заложники медиаугара, заставляющего нас верить в войну, так же как когда-то в революцию в Румынии, и мы помещены в симулякр войны, словно под домашний арест. Все мы стратегические заложники *in situ* [на месте]: наше место обязательного пребывания – экран телевизора, где мы ежедневно подвергаемся виртуальной бомбардировке и в то же время выступаем в качестве меновой стоимости. В этом смысле нелепая комедия, которую ломает перед нами Саддам Хусейн, всего лишь отвлечение внимания [*diversion*] как от войны, так и от международного терроризма одновременно. Его мягкий терроризм, по крайней мере, положит конец жесткому терроризму (палестинцев и любых других), доказывая тем самым, что в этом отношении, как и во многих других, он является идеальным сообщником Запада.

Эта невозможность перехода к действию, это отсутствие стратегии ведут к триумфу шантажа как стратегии (со стороны Ирана был еще определенный вызов, Саддам применяет уже только шантаж). Подлость Саддама Хусейна заключается в вульгаризации всего, к чему он прикоснется: религиозный вызов превратился в имитацию священной войны, заложник из жертвы превратился в прибыль, страстное отрицание западного мира – в националистическую возню, а война – в невозможную комедию. Но мы сами помогли ему в этом. Позволив ему поверить, что он выиграл войну против Ирана⁸, мы подтолкнули его к иллюзии победы над Западом. Бунт наемника – единственная ироничная и забавная черта всей этой истории.

Мы пребываем ни в логике войны, ни в логике мира, но в логике апотропии, которая неуклонно прокладывала себе путь на протяжении сорока лет холодной войны, чтобы прийти к развязке в нынешних событиях – в логике немощных событий, к которым относятся как события в Восточной Европе⁹, так и война в Персидском заливе. Перипетия анорексичной истории, а теперь и анорексичной войны: отныне она не пожирает противника,

⁷ Слово «информация» во французском языке имеет более широкий смысл, чем в русском, обозначая как то, что связано с информационными технологиями, так и последние известия, информационные сообщения в СМИ.

⁸ Ирано-иракская война – военный конфликт между Ираком и Ираном с 1980 по 1988 год. По продолжительности, задействованным ресурсам и человеческим жертвам является одним из крупнейших военных столкновений после Второй мировой войны. По факту, закончилась ничем, хотя каждая из сторон объявила себя победителем.

⁹ События в Восточной Европе – антикоммунистические революции, волна смены власти в Центральной и Восточной Европе осенью 1989 года. Падение коммунистических режимов было связано с перестройкой в СССР и началось с Польши, за этим последовали мирные массовые протесты, приведшие к смене власти в ГДР, Чехословакии и Болгарии, а также реформы, осуществлявшиеся по инициативе коммунистических властей в Венгрии. Румыния стала единственной страной, где смена власти прошла насильственным путем, а бывший глава государства был расстрелян.

поскольку не видит в нем врага, достойного вызова и уничтожения (и видит Бог, Саддам Хусейн не достоин ни того, чтобы ему был брошен вызов, ни того, чтобы быть уничтоженным), а, следовательно, пожирает саму себя. Зеленый свет ООН с невероятным количеством мер предосторожности и уступок – это деинтенсификация статуса войны, права на войну. Это использование средств предохранения, перенесенное на акт войны: занимайтесь войной, как и любовью, – с презервативом! По шкале Рихтера война в Заливе не достигла бы и двух-трех баллов. Эскалация нереальна; все происходит так, как если бы путем манипуляций с измерительными приборами создали фикцию землетрясения. Это не высшая степень войны и не нулевая, а немощная и чахоточная, война в асимптотической форме, которая позволяет неограниченно приблизиться к войне, но так с ней и не столкнуться; это степень транспарентности¹⁰, которая позволяет наблюдать войну лишь в глубине камеры-обскуры.

Подозрения начались уже с отсутствия объявления войны, отсутствия этого символического акта, предвещающего переход к реальным действиям: уже это предвещало и отсутствие ее развязки, как, впрочем, и отсутствие самих военных действий, а заодно – и различия между побежденным и победителем (победитель легко становится заложником побежденного: пресловутый стокгольмский синдром). Раз эта война никогда и не начиналась, то это война без конца. Мечта о войне в чистом виде, войне орбитальной, очищенной ото всех ее политических и локальных перипетий, привела к тому, что мы докатились до немощной войны, до ее возможной [virtuelle] невозможности; война превратилась в какой-то нелепый танец с саблями, где противники соревнуются в деэскалации, как будто сама искра, само событие войны стало чем-то невыносимо обценным¹¹, впрочем, как и любые реальные события, которые мы более не в состоянии воспринимать. Поэтому все перемещается в сферу виртуального; и то, с чем мы теперь имеем дело, апокалипсис виртуальности, чья гегемония, в конечном счете, гораздо более опасна, чем реальный апокалипсис.

Существует широко распространенное убеждение, что между виртуальным и реальным есть логическая связь, в соответствии с которой все имеющееся в распоряжении вооружение не может быть однажды не использовано, а такая концентрация военной силы, с которой мы имеем теперь дело, не может не привести к столкновению. Но это аристотелевская логика, которая к нам больше не имеет никакого отношения. В наши дни виртуальное решительно берет верх над реальным, и нам приходится довольствоваться такой крайней виртуализацией, которая, вопреки Аристотелю, является сдерживающим фактором от перехода к действию. Мы пребываем уже не в логике перехода от возможного-виртуального к реальному, но в гиперреалистической логике апотропии реального виртуальным.

В этом процессе заложничество в очередной раз очень показательное. Сначала словно экстрагированное, как молекулы в экспериментальном процессе, а затем продистиллированное капля за каплей в процессе обмена – виртуальная, а не реальная, смерть заложников представляет собой ставку в игре. Кстати, они всегда и не умирают, а просто пропадают без вести. Никогда не воздвигнут памятник неизвестному заложнику, всем слишком стыдно – этот коллективный стыд, присущий заложникам, отражает полную деградацию реальной враждебности (войны) в виртуальное гостеприимство («гости»¹² Саддама Хусейна).

Переход к действию вообще пользуется дурной славой: он соответствует резкому [brutale] снятию вытеснения, а следовательно, психотическому процессу. Кажется, что эта боязнь перехода к действию определяет сегодня все наше поведение: боязнь всякой реальности, всякого реального события, всякого реального насилия, всякого слишком реального

¹⁰ Транспарентность (прозрачность, проницаемость) – отсутствие секретности, ясность, основанная на доступности информации; информационная прозрачность.

¹¹ Обценный, обценность – в текстах Бодрийяра это слово означает не только «непристойный» или «неприличный»: он обыгрывает в этом термине еще и слово «сцена», то есть отсутствие сцены, неуместность, неприценность.

¹² Гости – так называл Саддам Хусейн несколько тысяч граждан западных стран, взятых в заложники.

наслаждения. Для борьбы с этой боязнью реального мы создали гигантский аппарат симуляции, позволяющий нам переходить к действию *in vitro* [в пробирке] (это относится даже к зачатию). Катастрофе (происшествию) реального мы предпочитаем изгнание в виртуальный мир, универсальным зеркалом которого служит телевидение.

Война также не избежала этой виртуализации, что напоминает хирургическую операцию, цель которой – представить войну с подтяжкой на лице, косметически обработать фантом ее смерти, ввести в заблуждение еще большими телеухищрениями, чем мы наблюдали в Тимишоаре¹³. Даже сами военные потеряли право на потребительную стоимость, право на реальную войну. Апотропия прошла повсюду и не пощадила никого. Как и политики, военные уже не знают, что делать с их реальной функцией – функцией смерти и разрушения. Они обречены на иллюзию войны, так же как политики обречены на иллюзию власти.

P.S. Доказывать невозможность войны именно в тот момент, когда она вот-вот должна произойти, когда все больше накапливается признаков ее наступления, это глупое пари. Но еще более глупо было бы упустить такую возможность.

¹³ Тимишоара – город, с событий в котором началась Румынская революция 1989 года. Бодрийяр часто употребляет название этого населенного пункта в качестве синонима самой вопиющей мистификации с участием СМИ. Доподлинно восстановить события невозможно даже спустя много лет. Все началось с того, что президент Румынии Чаушеску отдал приказ стрелять по демонстрантам, которые собрались в Тимишоаре. Сколько на самом деле прозвучало выстрелов, никому не известно, но по всем мировым телеканалам тут же были показаны около десятка трупов неизвестного происхождения, при этом объявлялось, что их тысячи, даже десятки тысяч – и все это жертвы режима Чаушеску. Кадры крутились в эфире постоянно и назойливо, так что многие поверили в многотысячные жертвы. Сколько их было, кроме десяти показанных трупов, да и были ли они на самом деле, никого не интересовало.

Война в заливе идет на самом деле?

Хороший вопрос! На основании доступных нам данных (избыток комментария при недостатке обзоров) можно предположить, что мы имеем дело с широкомасштабной рекламной кампанией, вроде той, которая нахваливала когда-то бренд (GARAP¹⁴), а что за продукт за ним скрывался, так никто и не узнал. Чистая реклама, которая имела огромный успех именно потому, что принадлежала к сфере чистой спекуляции.

Эта война также чистая и спекулятивная, до такой степени, что мы не представляем себе уже самого реального события, того, что оно могло бы означать и чем бы оно могло быть. Это напоминает недавнюю рекламную интригу, державшую нас в саспенсе: сегодня я снимаю верх, а завтра я сниму низ¹⁵; сегодня я развяжу виртуальную войну, а завтра я развяжу реальную войну. Фоном идет еще и третья печально известная реклама, в которой жадный и манящий банкир признается: «Меня интересуют ваши деньги». Только теперь вместо банкира – Саддам, говорящий Западу: меня интересует ваша власть (и те готовы поделиться с ним ею), а затем арабам, с таким же лицемерием: меня интересует ваша религиозная война (и те готовы инвестировать в него).

И вот таким образом война прокладывает себе дорогу – рекламными трюками и спекуляцией, где не последнюю роль играют заложники, включенные рекламщиками в список товаров для продажи; она идет, не раскрывая при этом ни планов, ни балансов, ни возможных потерь и готовящихся операций. Ни одно предприятие не выжило бы в такой неопределенности, за исключением основанного именно на управлении спекулятивными рисками, иначе это называется стратегией извлечения прибыли из того, что хуже [pire] всего (pire созвучно PИHR – Очень Прибыльный Бессмысленный Проект), иными словами – из войны. Сама война приняла этот спекулятивный оборот: стала предприятием очень прибыльным, но с очень неопределенным будущим. Она может обанкротиться в любой момент...

Тем не менее с этого времени прибыль от рекламы становится просто фантастической. Проиграет или же нет, Саддам гарантированно получит ореол [label] неповторимой харизматичности. Победит или же нет, американское оружие получит ореол технологически не имеющего равных.

А огромные материальные расходы уже сопоставимы с теми, которые повлекла бы реальная война, если бы она состоялась.

Мы до сих пор еще не вышли из виртуальной войны, то есть из состояния сложного, хотя подчас и смехотворного ее развертывания на фоне глобальной неопределенности относительно готовности вести войну, даже со стороны Саддама. Отсюда этот недостаток обзоров, который неслучаен, но не вследствие цензуры, а вследствие невозможности отобразить эту неопределенность войны.

Рекламно-информационная, спекулятивная, виртуальная, эта война уже не соответствует известной формуле фон Клаузевица¹⁶ «война есть продолжение политики другими

¹⁴ GARAP – французское рекламное агентство, прославившееся своей саморекламой. Весь Париж был обклеен плакатами, на которых GARAP рекламировал то бакалейщик – и все думали, что это реклама продукта питания, – то аптекарь – и все думали, что это реклама таблеток, – то автодилер – и все думали, что это реклама машины, и т. д. В итоге оказалось, что никакого продукта нет, а рекламируется сам бренд.

¹⁵ Плакаты Мириам – реклама рекламы на билбордах. Билборды не пользовались популярностью во Франции, и одно из рекламных агентств удачно исправило это следующим образом. По всему Парижу развесили огромные плакаты, на которых была изображена девушка, обещавшая: «Завтра я сниму верхнюю часть купальника». Затем, уже топлес, она обещала: «Завтра я сниму низ». На третьем плакате девушка действительно оказывалась голой, но показана сзади. Надпись гласила: «Будущее (завтра) за наружной рекламой, которая держит свое слово».

¹⁶ Клаузевиц, Карл фон (1780–1831) – немецкий военный теоретик и историк, офицер русской армии, генерал-майор прусской армии. Своим сочинением «О войне» произвел переворот в теории и основах военных наук.

средствами», а, скорее, обозначает отсутствие политики, продолжаемое другими средствами. Не-война представляет собой страшное испытание для статуса и неопределенности политики, так же как биржевой крах (универсум спекуляции) представляет собой решающее испытание для экономики и неопределенности экономических целей или так же как какое-либо событие является страшным испытанием для неопределенности, целей и задач информации. Поэтому информация «в режиме реального времени» растворяется в абсолютно нереальном пространстве и, в конечном счете, передает на телеэкраны лишь ничем не наполненное и бесполезное моментальное изображение, обнаруживая тем самым свою основную функцию, состоящую в наполнении пустоты и затыкании дыры экрана, через которую улечучивается существо [substance] событий.

Реклама также не является экономикой, продолжаемой другими средствами. Напротив, она является чистым продуктом неопределенности относительно рациональности целей производства. Именно поэтому она стала неудержимо расширяющей свою сферу функцией, которая заполняет пустоту наших экранов по мере исчезновения какой-либо экономической целесообразности или рациональности. Вот почему она успешно конкурирует с войной на наших экранах, и обе они могут чередоваться в одном общем виртуальном образе.

Медиа привлекают внимание к войне, война привлекает внимание к медиа, а реклама конкурирует с войной. Реклама – самый живучий паразит всей нашей культуры. Она, без сомнения, пережила бы даже ядерную войну. Это наш Страшный суд. Впрочем, есть у нее и подобие биологической функции: так же как растения-паразиты или микрофлора кишечника, пожирая нашу субстанцию (пищу для ума), она позволяет нам усваивать то, что мы поглощаем, – превращает мир и насилие мира в удобоваримую субстанцию.

Так что же это: война или реклама?

Война, вместе со всеми своими военными фальшивками, предположительными солдатами и генералами, предполагающимися экспертами и телеведущими, которые постоянно спекулируют на ее тему целыми днями на наших глазах, словно вертится перед зеркалом: достаточно ли я хороша, достаточно ли эффективна, достаточно ли эффектна, достаточно ли совершенна, чтобы выступить на арену истории? Конечно, эти полные беспокойства вопросы усиливают неопределенность относительно того, разразится ли она вообще. И именно эта неопределенность расплзается по нашим экранам, как настоящее нефтяное пятно. При этом образ перемазанной нефтью слепой и беспомощной морской птицы на побережье Персидского залива становится символическим отражением того, чем являемся все мы, глядя в наши экраны, стоя лицом к лицу с этим вязким и непостижимым событием.

В отличие от предыдущих войн, которые имели определенные политические цели – завоевание или доминирование, тем, что поставлено на карту сейчас, является сама война: ее статус, ее смысл, ее будущее. Она не имеет иной цели, кроме доказательства самого своего существования (этот кризис идентичности касается существования каждого из нас). Она действительно значительно потеряла в своем правдоподобии. Кто, кроме арабских масс, все еще склонен в нее поверить и запылать ее жаром? Тем не менее спектаклярное¹⁷ влечение к войне остается неизменным. В отсутствие воли к власти (достаточно ослабшей) и воли к знанию (достаточно проблематичной) сегодня повсеместно остается лишь воля к спектаклю, а с ней упорное желание сохранения призраков и фикций (такова судьба религий, в которые уже никто не верит: они сохраняются в виде развоплощенных практик). Возможно ли еще сохранение войны?

Безусловно, Иран и Ирак сделали все возможное, чтобы сохранить фикцию кровопролитной, братоубийственной, изматывающей и нескончаемой войны (в духе Первой миро-

¹⁷ Спектаклярный (потрясающий, сенсационный) – зрелищный, впечатляющий, драматичный, яркий, демонстративный, наглядный, показательный, эффектный.

вой). Но она была туземной и из другой эпохи, поэтому ничего не доказывает относительно статуса и возможности современной войны. Хотя третьей мировой войны и не было, но все мы уже по ту ее сторону, если можно так выразиться, в утопическом пространстве после-войны-которой-не-было, и именно в саспенсе, вызванном этим не-было, разворачиваются нынешние конфликты, и возникает вопрос: возможно ли войне вообще быть?

Вероятно, что нынешний конфликт – это всего лишь тест, отчаянная попытка убедить, что война все еще возможна.

Нулевая война: она напоминает те матчи чемпионата мира по футболу, которые зачастую заканчиваются серией пенальти (жалкое зрелище) из-за невозможности решить исход игры. Словно игроки наказывают сами себя с помощью этих «штрафных» за то, что не в состоянии играть и выигрывать в условиях настоящей борьбы. Почему бы тогда не начать сразу с пенальти и обойтись без самой игры с ее бесплодным противостоянием? Так и с этой войной: она могла бы начаться сразу с конца и избавить нас от вынужденного зрелища нереальной войны, в которой ничего не достигает своей крайней точки и которая, независимо от своего результата, оставит после себя лишь привкус неудобоваримого (теле)программирования¹⁸, а весь мир оставит в раздражении, как после неудачного полового акта.

Эта война излишков (средств вооружения, материальной части и т. д.), война избавления от балласта, чистки складов, распродажи и уценки, а также экспериментального внедрения и презентации будущего ассортимента вооружений. Война миров, переполненных излишками чрезмерного технического вооружения (включая Ирак), обреченных как на их трату (включая человеческие потери), так и на необходимость избавиться от них. Так же как лишнее время питает ад праздности, так и технологические излишки питают ад войны. Излишки – воплощение тайного насилия этого мира, которое выражается в несварении и неконтролируемой дефекации. Пресловутые американские военные излишки после Второй мировой войны, которые представлялись нам как роскошь, стали угнетающим глобальным бременем, а война, в рамках своих возможностей, прекрасно функционирует в качестве способа очистки (желудка) и опорожнения (кишечника).

В то время как критически мыслящий интеллект, как тип, находится в процессе исчезновения, свойственная ему фобия реальности и действия, наоборот, как кажется, растекается по всей кровеносной и церебральной системе наших институций. В этом смысле весь мир находится в процессе интеллектуализации, включая военных.

Посмотрите, как они путаются в объяснениях, рассыпаются в доказательствах, теряются в технических нюансах (война медленно дрейфует в сторону технологического маньеризма) или в деонтологии¹⁹ чистой, без сучка и задоринки, электронной войны, – да это прямо эстеты, которые своими речами оттягивают время наступления до бесконечности, а принятие решения до неразрешимости²⁰. Их war-processors²¹, их радары, их лазеры, их мониторы делают переход к войне одинаково лишним и невозможным, подобно тому, как использование word-processor делает лишним и невозможным переход к акту письма, потому что уже заранее лишает его какой-либо драматической неопределенности.

Генералы также исчерпывают их искусственный интеллект, упорно корректируя свои сценарии, шлифуя скрипты своей войны до такой степени, что время от времени про-

¹⁸ Телепрограммирование – игра слов: отсылка к собственно программированию, планированию операции и одновременно к телепрограмме.

¹⁹ Деонтология (наука о должном) – раздел этики, в котором рассматриваются проблемы моральных требований, долга и должного.

²⁰ Неразрешимость – то, что не может быть ни доказано, ни опровергнуто, относительно чего нельзя решить, является ли это правдой или ложью.

²¹ War-processors – игра слов: по аналогии с wordprocessor (машина или программа для обработки текстов) – машина или программа для обработки войны.

сто теряют сам сюжет [texte] после обработки ошибок. Известный философский принцип эпохе²² стал универсальным – как на экранах, так и на поле боя.

Должны ли мы радоваться тому, что все эти технологии цифровой обработки войны [warprocessing] привели к элизии²³ срока наступления и насилия войны? Только в известной степени, поскольку отсрочка войны на неопределенный период сама по себе чревата губительными во всех отношениях последствиями.

В силу того, что эта война была антиципирована²⁴ во всех своих деталях и исчерпана во всех своих сценариях, в конечном итоге она начинает напоминать героя фильма «*Italien des Roses*» (сыгранного Ришаром Боренже в фильме Шарля Маттона), который в течение полутора часов не решается прыгнуть с крыши высотки на глазах толпы, сначала взволнованно следящей за каждым его движением, а потом разочарованной и раздраженной состоянием ожидания, точно так же, как сегодня мы разочарованны и раздражены медиашантажом и иллюзией войны. Хотим ли мы, чтобы она, в конце концов, произошла, если она уже как бы произошла десяток раз? Точно как в «*Italien des Roses*»: мы знаем, что итальянец не прыгнет, и, в конце концов, нам уже наплевать, прыгнет ли он вообще, потому что реальное событие уже пережило себя и кредит его воображаемого исчерпан.

В этом и заключается вся проблема антиципации. Есть ли еще шанс произойти тому, что тщательно запрограммировано? Есть ли еще шанс быть истинным тому, что тщательно и наглядно доказано (показано)? Когда слишком многое указывает в одном и том же направлении, когда объективные причины нагромождаются друг на друга, эффект становится обратным. А следовательно, все то, что указывает на войну: развертывание вооруженных сил, нарастание напряженности, концентрация вооружения и даже зеленый свет ООН, – становится неоднозначным и, отнюдь не увеличивая вероятность столкновения, функционирует в качестве превентивной аккумуляции, субституции²⁵ и отвлечения внимания [diversion] от перехода к военным действиям.

После пяти месяцев в виртуальной стадии война сейчас входит в свою термальную стадию²⁶, в соответствии с правилом, согласно которому то, что никогда не начиналось, заканчивается, так и не состоявшись. Полная неопределенность этой войны проистекает из того, что она заблаговременно закончена и вместе с тем нескончаема. Со временем это чревато серьезными последствиями. Виртуальное порождает виртуальное – избегая случайного [accident], которым могло бы стать лишь вмешательство в дело Другого. Но никто не хочет и слышать о Другом. В конечном счете, неразрешимость этой войны зиждется на исчезновении инаковости, элементарной враждебности, самого врага. Война превратилась в холостую машину²⁷.

Благодаря этой войне невероятная неразбериха арабского мира начинает распространяться и на западный мир – и это справедливая месть. В свою очередь, мы отчаянно пытаемся объединить и стабилизировать их, чтобы легче осуществлять контроль, – это перетя-

²² Эпохе (остановка, прекращение) – принцип рассуждения в философии, когда субъект исключает из поля зрения все накопленные историей научного и ненаучного мышления мнения, суждения, оценки предмета и стремится с позиции чистого наблюдателя сделать доступной сущность этого предмета.

²³ Элизия (выдавливание, выталкивание) – отпадение звука в слове или фразе с целью облегчения произношения для говорящего. Иногда звуки могут быть опущены с целью улучшения благозвучия.

²⁴ Антиципация – предвосхищение, предугадывание, представление о предметах или событиях, возникающее до их реального проявления.

²⁵ Субституция (ставлю вместо) – замещение одного другим, подстановка, подмена.

²⁶ Терминальная стадия – словосочетание в основном применяется в онкологии. Подразумевается последняя стадия заболевания, которая является непоправимым, неконтролируемым процессом распределения и разрастания опухолевых клеток в организме.

²⁷ Холостая машина (machine célibataire) – термин берет свое начало от проекта Марселя Дюшана «Невеста, раздетая собственными холостяками». Машина, у которой нет никаких функций, или производимые ею операции абсурдны. В контексте приобретает дополнительное значение – одинокая машина.

гивание каната исторического масштаба: кто кого стабилизирует, прежде чем сам не будет дестабилизирован²⁸ В столкновении с вирулентной и непостижимой нестабильностью арабского и исламского мира, чьим характерным средством защиты является истерия во всем своем многообразии проявлений [versatilité], западный мир начинает демонстрировать, что его ценности уже не могут больше претендовать на какую-либо универсальность, за исключением чрезвычайно хрупкой универсальности ООН.

На западную логику декомпенсации (Запад стремится к тому, чтобы как-то смягчить, даже подавить свою мощь) восточная логика Саддама отвечает гиперкомпенсацией. Далекий от успеха в противостоянии с Ираном, он принимается за Запад. Он действует за пределами своих возможностей, там, где только Бог может ему помочь. Он совершает акт магической провокации, а Богу или кому-то еще, с ним связанному, предопределено делать все остальное (как правило, эта роль отводится арабским массам).

Американцы же, из-за своего рода эгоцентрического великодушия или глупости, могут вести борьбу с противником, лишь представив его себе по своему образу и подобию. Они одновременно и миссионеры, и новообращенные в свой собственный образ жизни, который они триумфально проецируют на мир. Они не в состоянии представить себе Другого и, следовательно, вести войну с ним персонально. То, с чем они воюют, – это инаковость Другого, а то, к чему они стремятся, – редукция²⁹ этой инаковости, обращение в свою веру, а в противном случае, если редукция окажется невозможна, истребление (как в случае с индейцами). Они не могут представить себе, что обращение и покаяние с их собственного благоволения не может найти отклик в Другом, и они буквально в шоке оттого, что Саддам обманывает их и отказывается подчиняться их аргументам. Очевидно, поэтому его и решили устранить, не из ненависти или расчета, но за преступление, вероломство, измену, своеволие и коварство (точно как в случае с индейцами).

Вот израильтяне не такие щепетильные. Они рассматривают Другого во всей его неприкрытой враждебности, без иллюзий и сомнения. Другого, араба, нельзя обратить, его инаковость непоправима, его нельзя изменить, его можно лишь усмирить и покорить. При этом они все же признают Другого, хоть и не понимают его. Американцы же не только не понимают, но и не признают.

В Заливе не разыгрывается какая-то решающая партия между гегемонией Запада и бросившим ему вызовом остальным миром. Запад ведет борьбу с самим собой при участии подставного наемника, после того как вел борьбу с Исламом (Иран), опять же при участии подставного Саддама. Саддам – все тот же фальшивый враг. Сначала сторонник Запада в противостоянии с исламом, теперь сторонник ислама в противостоянии с Западом – в любом случае он изменил своему собственному делу, поскольку взял в заложники не только несколько тысяч случайных граждан западных стран, но и целые арабские массы, удерживая их в самоубийственном энтузиазме ради собственной выгоды. В тот же самый момент, на Рождество, между прочим, когда он освобождает заложников (столь же демагогично поглаживая Запад по шерстке, как тогда, когда он поглаживает детей перед телекамерами), он подает свою публичную заявку [ОРА] на ведение священной войны.

Таким образом, ошибочно думать, что он способствовал объединению арабского мира, и хоть сколько-нибудь верить в какое-то его благородство. На самом деле он поступит как сутенер: заставит его работать на себя, выжмет все соки, а затем оставит ни с чем. Такие люди, как он, необходимы, чтобы время от времени канализировать извергающиеся силы. Они выполняют роль клизмы или слабительного для искусственного опорожнения. Это

²⁸ Игра слов: при перетягивании каната нельзя сдвинуть с места (поставить на место) другого, прежде чем самому не сдвинуться с места.

²⁹ Редукция (сокращение) – уменьшение, ослабление чего-либо; сведение сложного к более простому; сведение многообразия к однообразию.

форма апотропии конечно же западная стратегия, но Саддам, в своем тщеславии и вздорности, стал ее идеальным исполнителем. Тот, кто так любит обманки³⁰, сам является всего лишь обманкой, и его ликвидация может только способствовать демистификации этой войны (которая также является обманкой), кладя конец объективному соучастию.

Однако не по этой ли самой причине Запад решил его устранить?

Демонстрация американских пленных по иракскому телевидению. Это снова политика шантажа и заложничества, попытка унижить США созерцанием этих «раскаявшихся»³¹, принужденных к символическому признанию американского позора. Это и наш позор, ведь телеэкраны также творят над нами насилие, насилие над нашим взглядом, как над истязаемым, манипулируемым и бессильным пленником, насилие принудительного вуайеризма в ответ на принудительный эксгибиционизм изображения. Вместе с созерцанием этих пленных и заложников телеэкраны показывают нам наше собственное бессилие и беспомощность. В таких случаях, как этот, информация полностью выполняет свою функцию, которая заключается в убеждении нас с помощью обесценности того, что мы видим, в нашей собственной униженности. Принудительная перверсия взгляда равнозначна признанию нашего собственного позора и превращает нас в таких же «раскаявшихся».

То, что американцы позволили себя унижить, не отвлекаясь от своей чистой программируемой войны, указывает на слабость их символического военного запала. Унижение остается наихудшим истязанием, надменность (Саддама) – наихудшим видом поведения, шантаж – наихудшим видом взаимоотношений, а подчинение ему – наихудшим видом позора. То, что это символическое насилие, которое хуже любого сексуального насилия, в итоге снесли, даже и глазом не моргнув, показывает всю глубину западного мазохизма или же его безответственности. Вот принцип американского образа жизни: *Nothing personal!* [ничего личного, без обиды]. Воюют они тем же способом: прагматично, а не символично. И таким образом они подвергаются смертельной опасности, которой не в силае противостоять. Может быть, они принимают это как уравнивающий фактор, как, несмотря на весь символизм, искупление за свое могущество?

Два ярких образа, две или, может, три сцены, которые относятся к безобразным формам или облачениям, соответствующим маскараду этой войны: журналисты CNN в газовых масках в своей иерусалимской студии; накачанные наркотиками и истязаемые пленные, раскаивающиеся на экранах иракского телевидения; и, возможно, еще перепачканная нефтью морская птица, вглядывающаяся своими слепыми глазами в небо Залива. Маскарад информации с ее паническим шантажом: искаженные лица, предающийся проституированию образ, образ непостижимого страдания. Нет образа поля боя, лишь образы [газовых] масок, помятых или слепых ликов, образы искажения. Там идет не война, а обезображивание мира.

Глубокое презрение кроется в такого рода «чистой» войне, которая доводит противника до беспомощности и бессилия, но не уничтожает его тела, которая за дело чести почитает обезвреживание и нейтрализацию, но не убийство. В этом смысле она еще более отвратительна, чем другие войны, потому что сохраняет жизнь. Она отбирает что-то меньшее, чем жизнь, это как унижение, это хуже, чем если бы она просто отбирала жизнь. Несомненно, здесь кроется какая-то политическая ошибка, поскольку нельзя победить и вовсе без борьбы. Таким образом, американцы, не ведя борьбу с Другим, а просто его устраняя, наносят особое (личное) оскорбление, такое же, как если кто-то не торгуется о цене товара, отказывая

³⁰ Обманка – здесь и далее по тексту Бодрийяр использует многозначное слово «*leurre*» – обман, приманка, ловушка, ложная цель, средство отвлечения, введение в заблуждение и т. д. Обманка наиболее верно совмещает все эти значения.

³¹ Раскаявшийся (*ital. pentito*) – обозначение мафиози, решившего завязать с преступным миром и перейти на сторону полиции. Синонимы «информатор», «осведомитель», «стукач» не совсем уместны, так как Бодрийяр употребляет слово в самом широком смысле.

тем самым в каком-либо личном взаимоотношении с продавцом. Тот, чью цену вы принимаете без дискуссии, наиболее презираем вами. Тот, кого вы обезвреживаете, даже на него не взглянув, чувствует оскорбление и вынужден мстить. Возможно, что-то от этого есть в показе униженных пленников по телевидению. В некотором роде это заявление Америке: если вы не хотите знать, как выглядим мы, мы вам покажем, как выглядите вы.

Так же как психическое, или экран психики, превращает все болезни в симптомы (уже не осталось органических заболеваний, причины которых не пытались бы найти где-то в другом месте, в интерпретации расстройства на другом уровне: все симптомы проходят через своего рода черный ящик, где психические образы переворачиваются и инвертируются, болезнь становится обратимой, неуловимой, ускользая от всякой реалистической терапии), так и война, обращенная в информацию, перестает быть реальной войной и становится войной виртуальной, в некотором роде симптоматической. И так же, как и все, что преобразуется в психическое, становится предметом бесконечных спекуляций, так все, что преобразуется в информацию, становится предметом спекуляций, которым нет конца, и приводит к полной неопределенности. На наших телеэкранах нам остается лишь симптоматическое чтение эффектов войны, либо эффектов дискурса о войне, или полностью спекулятивных стратегических оценок, аналогичных оценкам в области исследования общественного мнения. Так, на протяжении всего одной недели оценка уничтоженного иракского военного потенциала выросла с 20 % до 50 %, чтобы потом упасть к 30 %. Эти цифры колеблются так же, как котировки акций на фондовом рынке. «Сухопутное наступление можно ожидать сегодня, завтра, через несколько часов, в любом случае на этой неделе... Погодные условия идеальны для боевых действий» и т. д. И кому верить? Здесь нечему верить. Мы должны научиться читать симптомы как симптомы, а телевидение – как истерический симптом войны, которая не имеет никакой критической массы. Впрочем, она, судя по всему, и не собирается достигать критической массы, оставаясь в инерциальной фазе, и импловивность³² информационного аппарата с его тенденцией к снижению степени информативности, как кажется, усиливает импловивность самой войны с ее тенденцией к снижению степени конфронтации.

Информация подобна неинтеллектуальной [несамонаводящейся] ракете, которая никогда не находит свою цель (и, к сожалению, даже свою противоракету!), следовательно, взрывается где угодно или теряется где-то в космосе на неизвестной орбите, по которой вечно вращается как космический мусор.

Информация есть не что иное, как блуждающая ракета с непредсказуемым пунктом назначения, которая хоть и стремится к своей цели, но всегда попадает в случайные ложные цели [обманки] – она сама и есть обманка, которая на самом деле распространяется [разлетается] повсюду, но в основном с нулевым результатом. Утопичность целевой рекламы или целевой информации напоминает ракеты-мишени [целевые ракеты]: никто не знает, куда она попадет, и ее целевым предназначением, по-видимому, является не попадание, но, так же как в случае с ракетой, сам запуск. По сути, единственным впечатляющим образом является вид ракет, снарядов, космических аппаратов лишь в сам момент их запуска. То же самое касается рекламы или пятилетних планов: все сосредоточено на кампании по запуску, а ее влияние [попадание] и результаты настолько случайны, что часто мы о них и вовсе не слышим. Весь эффект заключается в программировании, а весь успех – в создании виртуальной модели. Взять хотя бы ракеты типа «Скад»: их стратегическая эффективность близка к нулю, а единственный (психологический) эффект их воздействия заключается в том, что Саддаму удалось-таки их запустить³³.

³² Импловивность, импловия – взрыв, направленный внутрь, быстрое разрушение под влиянием внутренних факторов, схлопывание, сжатие.

³³ Иракцы открыли ракетный огонь по Саудовской Аравии, но ракеты не долетели. Одна была сбита, остальные просто упали в Аравийской пустыне.

То, что производство ложных целей [обманок] стало значимой отраслью военной промышленности, так же как производство плацебо стало значимой отраслью фармацевтической промышленности, а фальшивки процветают в арт-индустрии, не говоря уже о том, что информация стала попросту приоритетной отраслью индустрии, – все это признак того, что мы вступили в мир обмана [déceptrif], где вся культура усердно трудится над своей подделкой [contrefaçon]. Это также означает, что этот мир больше не питает никаких иллюзий о себе.

Все началось с лейтмотива точности, хирургической, математической, пунктуальной эффективности, что является еще одним способом не признавать противника как такового, так же как лоботомия является способом не признавать безумия как таковое. И вся эта техническая виртуозность заканчивается самой нелепой неопределенностью. Изоляция противника всеми способами электронной интерференции³⁴ создает своего рода вал, за которым он становится невидимым. Он превращается в «stealthy» [незаметный], и его способность к сопротивлению становится неопределимой. Уничтожая его дистанционно, в этой транспарентности, становится невозможно даже различить, жив ли он еще или уже мертв.

Концепция чистой войны, как и чистой бомбы или же интеллектуальной [самонаводящейся] ракеты, равно как и сама эта война, задуманная как технологическая экстраполяция разума, – все это верный признак безумия, так же как стеклянные колпаки или мыльные пузыри на головах некоторых персонажей Иеронима Босха – признак их слабоумия. Эта война, подобно Белоснежке³⁵, заключена в стеклянный гроб, откуда выкачаны весь плотский тлен и вся военная страсть. Чистая война, которая заканчивается грязным нефтяным пятном.

Французы предоставили самолеты и АЭС, русские – бронетехнику, англичане – секретные бункеры и взлетно-посадочные полосы, немцы – газ, голландцы – противогазы, а вот итальянцы – эквиваленты всего вышеуказанного, но в виде ложных целей [обманок]: бутафории танков и бункеров, надувные бомбардировщики, оборудование для имитации теплового излучения ракет и т. д. Ввиду такого количества таких чудесных вещей, совсем недалеко до еще более дьявольской фантазмагии: почему бы не дать фальшивые противогазы палестинцам? почему бы не разместить заложников на каком-то ложноцелевом стратегическом объекте, бутафорском химическом заводе, например?

Был ли сбит французский самолет? Животрепещущий вопрос, ведь на кону наша честь. Ведь это служило бы доказательством нашего участия в боевых действиях, однако иракцы, словно с каким-то злорадством, опровергают это (может быть, у них есть более точные сведения относительно нашего участия?). В любом случае, мы и здесь снова имеем дело с обманками, фальсификацией потерь, жертвами-трюмплем (как в Тимишоаре или в случае имитации уничтожения гражданских объектов в Багдаде).

Война высокой технологической концентрации, но слабая по содержанию. Может быть, она уже превысила свою критическую массу в результате чрезмерного сосредоточения?

Прекрасная иллюстрация схемы коммуникации, в которой отправитель и получатель находятся по разным сторонам экрана и никогда друг с другом не (со)общаются. Вместо сообщений, с той и с другой стороны летят ракеты и бомбы, но личная, дуэльная взаимосвязь здесь полностью отсутствует. Так воздушная атака на Ирак может быть прочитана в категориях кодирования, декодирования и обратной связи (в этом случае чрезвычайно слабой, так как невозможно даже узнать, что удалось уничтожить). А сдержанность израильтян объясняется тем, что они пострадали от абстрактных запусков бесполезных ракет³⁶. Если

³⁴ Интерференция – игра значениями слова: помеха и вмешательство.

³⁵ Сказка о Белоснежке – образ спящей красавицы очень распространен, но чуть ниже, в сказке про ООН, Бодрийяр пересказывает сюжет именно Белоснежки.

³⁶ Всего Ирак выпустил по Израилю 39 ракет «скад». В результате погиб один человек, еще несколько умерло от сердечных приступов во время объявления воздушной тревоги.

бы Израиль атаковал настоящий «живой» бомбардировщик, это вызвало бы немедленный контрудар.

Коммуникация также представляет собой чистую связь, принципиально исключающую любое сильное чувство, любое личное переживание. Странно видеть эту бесчувственность, это глубокое безразличие друг к другу, которое разыгрывается в самом сердце насилия и войны.

То, что невидимые Stealthy-бомбардировщики начали эту войну, нацеленные на обманки и уничтожающие, без сомнения, ложные цели; то, что сначала секретные (опять «стелс») разведслужбы настолько обманулись относительно реального вооруженного потенциала Ирака, а затем все стратеги – относительно эффективности интенсивного ведения электронной войны, свидетельствует об иллюзионизме военной мощи, которая уже не соизмеряется с противником, а только лишь с собственными абстрактными (военными) операциями. Стоило бы отправить всех этих генералов, адмиралов и прочих липовых экспертов на надувной стратегический объект, чтобы посмотреть, привлекут ли такого рода обманщики настоящие бомбы на свою голову.

С другой стороны, американская невинность и наивность, заключающаяся в признании своих ошибок (когда пять месяцев спустя они заявили, что иракские силы остаются в почти нетронутом состоянии, тогда как они сами не готовы атаковать), и вся эта контрпропаганда, которая способствует еще большей путанице, была бы трогательной, если бы не свидетельствовала о том же виде стратегического слабоумия, что и триумфальные декларации вначале, и если бы нас по-прежнему не держали за совиновных свидетелей той подозрительной искренности, лозунг которой гласит: вот видите, мы все вам рассказываем. О да, мы всегда можем довериться американцам, они знают, как использовать свои неудачи при помощи обманчивой искренности.

Маленькая сказочка про ООН: ООН проснулась (или была разбужена) в своем стеклянном гробу (высотка в Нью-Йорке). Когда гроб упал и разбился вдребезги (одновременно с Восточным блоком), кусок яблока выскочил из ее горла, и она ожила, свежая словно роза, только для того, чтобы тотчас встретить ожидающего ее прекрасного принца – Войну в Заливе, – также только что вышедшего из лимба [первый круг ада] после долгого траура. Без сомнения, вместе они произведут на свет Новый Мировой Порядок, если, конечно, не превратятся в двух бесплотных призраков после своей вампирской связи.

Видя, как камера скользит с улыбающегося лица Саддама на заложников, а затем на поглаживаемых по головкам детей, с вида (ложных) стратегических объектов на развалины молокозавода, понимаешь, что наше западное представление о телевидении и информации остается наивным и ханжеским, поскольку, вопреки очевидности, мы все еще надеемся на правильное их использование. А вот Саддам, он отлично знает, чем на самом деле являются медиа и информация; он использует их радикально откровенно, совершенно цинично, а значит, совершенно инструментально. Румыны также совсем недавно сумели использовать их для совершенно аморальной мистификации (с нашей точки зрения). Мы можем сожалеть об этом, но, учитывая принцип симуляции, которому подчиняется вся информация, даже самая праведная и объективная, учитывая структурную нереальность образов и их надменное безразличие к истине, надо сказать, что только циники не ошибаются относительно информации, когда используют ее как безусловный симулякр. Мы считаем, что они аморально искажают образы, но это не так: они лишь осознают глубокую аморальность образов и, за счет пародийного и абсурдно-гротескового их использования (как, например, Бокасса или Амин Дада³⁷), показывают, что они представляют собой на самом деле, показывают обесценную сущность западных демократических и политических структур, которые они позаимство-

³⁷ Одни из самых эксцентричных африканских диктаторов-людоедов второй половины XX века.

вали у нас. Весь секрет слаборазвитых стран заключается в пародировании западной модели и выставлении ее на посмешище через гиперболизацию. Только мы сохраняем иллюзию информации и права на информацию. Они же не столь наивны.

Никакого acting-out [отыгрывания] или *passage à l'acte* [перехода к действию] – только acting: камера, мотор! Однако получается слишком много пленки, либо вовсе пустой, либо потерявшей свою чувствительность из-за слишком долгого пребывания в промозглой сырости холодной войны. Короче говоря, там просто нечего видеть. Лишь в будущем в архивных видеозаписях что-то рассмотрят поколения видеозомби, которые никогда не прекратят попыток воссоздания этого события, так никогда и не почувствовав бессобытийности этой войны.

Архив также является частью виртуального времени, это запас события «в режиме реального времени» с его мгновенностью распространения. Вместо «революции» реального времени³⁸, о которой говорит Вирильо³⁹, следует говорить скорее об инволюции⁴⁰ в режиме реального времени, об инволюции события в мгновенности всего, что происходит одновременно, и его исчезновении в самой информации. Если мы примем во внимание скорость света и время короткого замыкания чистой войны (наносекунды), мы заметим, что такого рода инволюция сталкивает нас именно с виртуальностью войны, а не с ее реальностью, сталкивает нас с ее отсутствием. Или же мы должны отменить саму скорость света?

Утопия реального времени делает событие одновременным в каждой точке земного шара. А то, что мы переживаем в режиме реального времени, это не событие в натуральную величину (точнее сказать, образ события в виртуальную величину), а созерцание разлагающегося события и вызывание его духа («спиритизм информации»: событие, ты здесь? Война в Заливе, ты здесь?) через комментарии и толкования в многословных телешоу говорящих голов, что лишь подчеркивает отсутствие какого-либо образа, подчеркивает невозможность образа, соответствующего нереальности этой войны. Это все та же апория⁴¹ *cinémavérité*⁴², которое стремилось обойти, закоротить нереальность изображения, чтобы заставить нас поверить в достоверность [vérité] объекта. CNN также стремится стать стетоскопом, приложенным к самому сердцу войны, к сердцу гипотетической войны, чтобы заставить нас поверить в ее гипотетический пульс. Но это выслушивание не дает ничего, кроме неясной эхографии, по которой невозможно определить симптомы, что и приводит к расплывчатым и противоречивым диагнозам. Единственное, на что мы можем надеяться, это увидеть смерть в прямом эфире (метафорически, конечно), иными словами, событие, как оно есть, должно дезорганизовывать, разрушать информацию, вместо того чтобы она искусственно измышляла его и истолковывала. Вот единственно возможная информационная революция, которая означала бы полный переворот нашего понимания информации, но она вряд ли произойдет в ближайшем будущем. А до тех пор будет продолжаться инволюция и окаменение события в информации, и чем ближе мы будем к реальному времени и прямому эфиру, тем дальше мы продвинемся в этом направлении.

³⁸ Реальное время и виртуальное время. Реальное время соответствует темпу человеческой жизни и всей биосферы Земли, является временем биологическим. Его обычно связывают с движением, но в виртуальном пространстве нет физического движения тел, а лишь движение потоков информации, следовательно, возможно устанавливать любые временные масштабы и длительности. Виртуальное время нелинейно и обладает инверсией, вектор времени может быть направлен не только вперед, но и назад. Если виртуальное время совпадает с реальным, говорится о режиме реального времени.

³⁹ Вирильо, Поль – французский философ, социальный теоретик, специалист по урбанистике и архитектурный критик.

⁴⁰ Инволюция (свертывание, сворачивание, завиток) – обратное развитие, переход к прежнему состоянию.

⁴¹ Апория (безысходность, безвыходное положение) – вымышленная, логически верная ситуация, которая не может существовать в реальности. Наибольшую известность получили апории Зенона.

⁴² *Cinéma vérité* (правдивое кино) – термин, обозначающий направление в киноискусстве, добывающееся документальной правды в художественном фильме. Возникло во французском кинематографе 60-х, изображавшем людей в обычных ситуациях, с подлинными диалогами и естественностью происходящего действия.

Такая же иллюзия прогресса была в момент появления в фильме звука, а затем цвета, с каждым из этапов этого развития мы все больше отдалялись от интенсивной имажинерии⁴³ образа. Чем больше, как нам кажется, мы приближаемся к реальности (или достоверности), тем больше от нее мы отдаляемся, потому что ее не существует. Чем больше мы приближаемся к реальному времени события, тем больше мы впадаем в иллюзию виртуальности. Упаси нас Бог от иллюзии войны.

При определенной скорости, а именно при скорости света, исчезает даже тень. При определенной скорости, а именно при скорости информации, все теряет свой смысл. Велик риск констатировать (или опровергать) апокалипсис реального времени именно тогда, когда событие исчезает и становится черной дырой, из которой свет уже не может вырваться. Война имплозирует в реальном времени, история имплозирует в реальном времени, всякая коммуникация и сигнификация имплозируют в реальном времени. Сам апокалипсис, понимаемый как приход катастрофы, маловероятен. Он падает жертвой пророческой иллюзии. Мир недостаточно когерентный⁴⁴, чтобы привести нас к апокалипсису.

Тем не менее, обмениваясь мыслями по поводу этой войны с Полем Вирильо, мы, несмотря на диаметрально противоположность наших мнений (один из нас ставит на апокалиптическую эскалацию, а другой – на систему апотропии и бесконечную виртуализацию войны), пришли к выводу, что эта война решительно странная и развивается в обоих этих направлениях одновременно. Так же как неизбежна программируемая эскалация войны, неизбежно и ее не-бытие – войну закоротило между двумя крайностями: интенсификацией и апотропией. Одновременно война и не-война, ее развертывание и саспенс, с равной вероятностью как снижения напряженности, так и ее крайнего нарастания.

Самое удивительное, что обе гипотезы – апокалипсис реального времени и чистая война, в которой виртуальное торжествует над реальным, – находят свое одновременное подтверждение, в одном и том же пространстве-времени, и неуклонно продолжают друг друга. Это означает, что пространство события превратилось в гиперпространство многократного преломления, а пространство войны однозначно стало неевклидовым. И вероятно, эта ситуация останется без решения, а мы остаемся в неразрешимости войны, неразрешимости, вызванной буйством фантазии двух противоположных точек зрения.

Мягкая война и чистая война совсем заврались⁴⁵.

В источаемой радиоволнами микро[фонной] панике есть доля общественного согласия и благоволения. В силу своего рода аффективного, умиленного патриотизма публика в глубине души согласна быть слегка напуганной, чуть-чуть затерроризированной всякими бактериологическими угрозами, сохраняя при этом полное безразличие к войне. Но это равнодушие осуждается: мы не должны устраниваться с мировой арены, напротив, следует мобилизоваться, хотя бы в качестве статистов, чтобы спасти войну, однако мало у кого есть желание подменить ее страсть своей. То же самое происходит сегодня и с участием в политической жизни: оно в значительной мере вторично и осуществляется на фоне спонтанного безразличия. Это как с верой в Бога: даже когда мы больше не верим, мы продолжаем верить в то, что мы верим. Те, кто своей истерикой старается подменить страсть войны, сразу же

⁴³ Имажинерия – сам процесс воображения, продуцирования образов.

⁴⁴ Когерентный (сцепление, связь) – происходящий согласованно по времени; соотнесенный, сопряженный, взаимосвязанный, целостный.

⁴⁵ «Селин и Жюли совсем заврались» (фр. *Céline et Julie vont en bateau*) – фильм режиссера Жака Риветта 1974 года. Название фильма заключает в себе игру слов: французское *aller en bateau* (плыть на лодке) имеет фигуральный смысл: нести околесицу. В фильме актуализированы оба значения – лодка появляется почти под занавес, зато всё происходящее может рассматриваться как плод разгоряченного воображения двух подруг, которые сами становятся причудливым отражением друг друга. Перефразируя название фильма, Бодрийяр дает понять, что усматривает подобную фантазмагорию и в войне в Заливе.

становятся на виду, они активны и пользуются поддержкой большинства. А те, кто выдвигает гипотезу глубокого безразличия, в меньшинстве и воспринимаются как предатели.

Усилиями медиа эта война высвобождает возрастающую по экспоненте массу глупости, и это не специфическая военная тупость, которой всегда предостаточно, а функциональная, профессиональная глупость тех, кто проповедует это событие в своих бесконечных комментариях: все эти продажные Бувары и Пекюше⁴⁶, неудачливые искатели потерянного образа, завсегдатаи эфира, мастерзингеры⁴⁷ стратегии и информации, благодаря которым пустота телевидения ощущается, как никогда прежде. Эта война, надо сказать, представляет собой жестокое испытание. К счастью, никто не будет требовать от того или иного эксперта, генерала или интеллектуала на содержании объяснений нелепостей и абсурда, который они изrekli сегодня, потому что их затмят нелепости и абсурд дня завтрашнего. Вот так все и амнистируются благодаря сверхскоростной последовательности ложных событий и ложных обсуждений. Обеление глупости ее эскалацией, восстанавливающее невинность, в некотором роде полную невинность промытых и выбеленных мозгов, отупевших не из-за насилия, а из-за ничтожности и ужасной невыразительности образов.

Жан-Пьер Шевенман⁴⁸ посреди пустыни: *Morituri te salutant!* [идушие на смерть приветствуют тебя] Абсурд. Франция со своими старыми «ягуарами» [самолеты] и президентским молчанием.

Генерал Бернар Капильон по телевизору: «Пользой, какую принесла нам эта война, стала возможность возвращения наших военных руководителей на телевидение». Страшно подумать, что в другие времена, на настоящей войне, они делали бы на поле боя.

Клубок противоречий [imbroglio]: так пацифистская демонстрация в Париже косвенно была за Саддама Хусейна, который хочет войны, и против французского правительства, которое ее не хочет и с самого начала дает понять, что если не откажется от нее, то согласится с большой неохотой.

Опустевшие магазины, прерванные отпуска, спад деловой активности, город вслед за массами не подает признаков жизни: вполне возможно, что эта война – паника наоборот, прекрасная возможность сбросить газ, притормозить, выпустить пар. Броуновское движение успокаивается, война заставляет забыть партизанщину повседневной жизни. Катарсис? Нет, зачистка территории. Или лучше сказать так: телевидение, приковывая к себе внимание, держит всех нас по домам и с помощью этого коллективного ступора в полной мере выполняет свою роль социального контроля; бессмысленно вертеться вокруг себя, словно дервиш, тем лучше оно фиксирует население, чем больше разочаровывает, совсем как плохой детектив, относительно которого мы никак не можем поверить, что он до такой степени плох [nul].

Ирак восстанавливается еще прежде, чем был разрушен. Послепродажное обслуживание. Подобная антиципация еще больше дискредитирует войну, которая и так не имеет недостатка в том, чем можно обескуражить даже тех, кто хотел в нее верить.

Порой доходит до черного юмора: эти двенадцать тысяч гробов, доставленных вместе с оружием и боеприпасами. И в этом случае американцы вновь продемонстрировали доказательство своей самоуверенности: их потери несоизмеримы с их прогнозами. Но Саддам бросил им вызов, заявив, что они не способны пожертвовать и десятью тысячами солдат ради войны, и американцы ответили на него, отправив двенадцать тысяч гробов.

⁴⁶ «Бувар и Пекюше» – неоконченный роман французского писателя Гюстава Флобера о двух друзьях, многочисленные начинания которых заканчивались плачевно. В этом романе Флобер намеревался запечатлеть все накопленные знания о человечестве и показать человеческую глупость.

⁴⁷ Мастерзингеры (искусные певцы) – в Германии XIV–XVI веков члены профессиональных цеховых объединений поэтов-певцов из среды среднего и мелкого бюргерства.

⁴⁸ Жан-Пьер Шевенман – с 1988 по 1991 год министр обороны Франции.

Завышение ожидаемых потерь является частью той же мегаломанической иллюминации [акт божественного озарения], что и широкоразрекламированное развертывание операции «Щит пустыни», и вакханалия бомбардировок. Пилотам уже даже не во что целиться. У иракцев недостаточно ложных целей (обманок), чтобы обеспечить ими бесконечные налеты. Ту же самую цель вынуждены бомбить по пять раз. Это издевательство.

Британская артиллерия ведет мощный огонь двадцать четыре часа. Там уже давно нечего уничтожать. Тогда почему так происходит? Для того чтобы «шумом канонады перекрыть шум танковых колонн,двигающихся к линии фронта»! Резонно, надо сохранить эффект неожиданности (и это 21 февраля). Самое интересное то, что там тогда никого уже не было, иракцы покинули это место. Это абсурд.

Саддам – наемник, американцы – миссионеры. Но как только наемник побежден, эти миссионеры де-факто становятся наемниками всего мира. Однако ценой за то, чтобы стать идеальным наемником, является избавление от всякой политической воли и всякого политического разума. Американцы не могут избежать этого: если они хотят быть полицейским для всего земного шара и Нового Мирового Порядка, они должны лишиться всякой политической власти [autorité] исключительно в пользу своих оперативных возможностей. Тогда они становятся просто исполнителями, а все остальные – просто статистами Нового Мирового Порядка, основанного на взаимном согласии и полицейском управлении.

Тот, кого сочтут диктатором, должен быть уничтожен, любые карательные действия сами по себе оказывают наиболее устрашающий эффект. Переняв израильский стиль, американцы отныне будут экспортировать его повсюду и, так же как израильтяне, замкнутся в спирали безусловной репрессии.

Для американцев не существует врага как такового. *Nothing personal*. Ваша война меня совсем не интересует, ваше сопротивление меня совсем не интересует. Мы уничтожим вас, когда сочтем это нужным. Они отказываются от переговоров, тогда как Саддам торгуется за свою войну, набивая цену только для того, чтобы затем ее опустить, то наседая, то вымогая, словно уличный торговец, пытающийся всучить свой товар. Американцы ничего не понимают во всей этой психодраме торга, они все это терпят раз за разом, а затем, с уязвленной гордостью западного человека, ожесточаются и силой навязывают свои условия. Они ничего не понимают в этой зыбкой дуэли, в этой схватке, в мгновениях которой разыгрываются честь и бесчестье друг друга, они понимают лишь силу, и они уверены в своей добродетели. Если другие желают бросить вызов, играть и прибегать к хитростям, американцы с ощущением морального превосходства используют всю свою мощь. На все уловки Другого они ответят своим пуленепробиваемым характером и бронированными машинами. У них нет времени на обмен, на то, чтобы поторговаться.

В то время как для Другого, даже если он знает, что уступит, очень важно сделать это церемониально, с соблюдением формальностей. Он должен быть признан участником диалога – в этом весь смысл обмена и торга. Он должен быть признан врагом – в этом весь смысл войны. Для американцев торг и переговоры не имеют никакой ценности, тогда как для Других – это дело чести, личное (взаимное) признание, речевая стратегия (язык существует, и мы должны отдавать ему должное) и соблюдение темпа (спор требует ритма, это цена присутствия Другого). Американцев не волнуют все эти элементарные тонкости. Им еще многое предстоит узнать о символическом обмене.

Зато с экономической точки зрения они в выигрыше. Они не тратили время на дискуссии, не подвергались психологическому риску, связанному с участием в поединке с Другим; это выглядит как доказательство того, что темпа не существует, что Другого не существует, а единственное, что имеет значение, – это модель и мастерство управления ею.

С военной точки зрения решение затягивать эту войну, как они это делают (вместо того, чтобы применить израильское решение и немедленно использовать дисбаланс сил, пресекая

тем самым любые ответные действия), представляет собой неуклюжее и бесславное решение, чреватое негативными последствиями (популярность Саддама среди арабских масс). Но тем самым американцы добиваются саспенса, растягивают время, чтобы представить себе и всему миру зрелище своей виртуальной мощи. Они позволяют этой войне продолжаться столько, сколько необходимо, но не для того, чтобы ее выиграть, а для того, чтобы убедить весь мир в непогрешимости своей (военной) машины.

Итак, победа модели важнее, чем победа на поле боя. Военный успех увековечивает торжество вооружения, но успех программирования увековечивает поражение времени⁴⁹. Цифровая обработка войны [war-processing], транспарентность модели в ходе развертывания войны, стратегия неизбежного выполнения программы, электрокуция⁵⁰ всякой живой реакции и всякой живой инициативы, включая собственную, – все это важнее с точки зрения системы всеобщей апотропии (как друзей, так и врагов), чем конечный результат на поле боя. Чистая война, выхолощенная война, запрограммированная война – более смертоносная, чем та, в жертву которой приносятся человеческие жизни.

Мы далеки от всеобщего уничтожения, холокоста или атомного апокалипсиса; тотальная война существует лишь в качестве архаичной воображаемой медиаистерии. Напротив, война такого вида, как эта – превентивная, устрашающая, карательная, – предупреждение всем: не впадайте в крайности и мерьте себя той же мерой, что и других (комплекс миссионера); по правилам этой игры каждый должен не показывать всей своей силы и не вести войну всеми имеющимися средствами. Сила должна оставаться виртуальной и назидательной, добродетельной, так сказать. Первый опыт такого рода регулирования в планетарном масштабе является очень важным тестом. Так же как богатство измеряется не показной роскошью, а тайной циркуляцией спекулятивного капитала, так и война измеряется не степенью накала, а ее спекулятивным развертыванием в абстрактном, электронном информационном пространстве, том самом, где происходит и движение капитала.

Хотя подобная конъюнктура и не исключает всякую случайность (дерегуляция виртуального), однако вероятность прорыва, доведения до крайности, накала ожесточенности с обеих сторон, называемого войной, становится все слабее.

Саддам – истерик. Мастер постоянно всем гадить. Истерик неистребим: он возрождается из своих симптомов, как из пепла. Столкнувшись с истериком, другой становится параноиком, он развертывает мощный механизм защиты и недоверия. Он подозревает истерика в недобросовестности, хитрости и лицемерии. Он хочет принудить его к правде и транспарентности. Истерик неисправим. Использование уловок и несоблюдение договоренностей – в этом его сущность. Столкнувшись с такого рода распутством и двуличием, непреклонность и маниакальность параноика могут лишь только усилиться. Самым жестоким упреком Буша в адрес Саддама Хуссейна было обвинение того в том, что он лгун, предатель, плохой игрок и мошенник. *Lying son of a bitch!* [Лживый сукин сын!] Саддам, как настоящая истеричка, никогда не собирался рожать свою войну, для него это была всего лишь ложная беременность. Напротив, ему до сих пор удавалось мешать Бушу родить свою. А с помощью Горбачева ему почти удалось основательно надуть⁵¹ американцев. Но истерик не склонен к суициду, это выгодная сторона Саддама. Он не есть ни безумец, ни самоубийца. А может попытаться его вылечить с помощью гипноза?

⁴⁹ Поражение времени или подавление времени – отсылка к определению, которое использует в своей работе Самега lucida (1980) Ролан Барт. Согласно Барту, этот эффект возникает при взгляде на старые фотографии, на которых запечатлены давно умершие люди. При этом они выглядят настолько живо, что забываешь о том, что их давно нет. То есть получается, что время не властно, оно терпит поражение, подавляется. По Бодрийяру, эффект поражения времени наступает, когда событие заранее смоделировано, запрограммировано, еще до того, как оно произойдет.

⁵⁰ Электрокуция (электричество + экзекуция) – казнь на электрическом стуле, поражение током.

⁵¹ Обмануть, надуть (фр. *faire un enfant dans le dos*) – буквально: родить ребенка против воли отца.

Иракцев и американцев объединяет, по крайней мере, одно: преступление, которое они совершили сообща (а с ними и весь Запад). Многое в этой войне объясняется предыдущим злодеянием, относительно которого каждый считал, что останется безнаказанным, но в итоге тайное желание искупления которого питает войну в Заливе со всей ее неразберихой и жаждой сведения счетов. Об этом предыдущем эпизоде предпочитают не говорить – настолько все (даже иранцы) согласились о нем забыть: о войне против Ирана. Саддам должен был отомстить за то, что он не смог победить, даже будучи агрессором, уверенным в своей безнаказанности. Он должен был отомстить Западу, который его в это вовлек, а американцы, со своей стороны, должны были устранить неудобного соучастника этого вероломства.

Для любого правителя или деспота власть над своим собственным народом – превыше всего. В случае войны в Заливе это единственный шанс на разрешение или деэскалацию конфликта. Саддам предпочтет скорее уступить, чем уничтожить свою внутреннюю гегемонию, пожертвовать своей армией и т. д. В этом смысле перелет его авиации в Иран⁵² является скорее хорошим знаком: это не признак агрессии, а уловка налетчика, который прячет свою добычу, чтобы вернуть, когда выйдет из тюрьмы, а следовательно, это довод против каких-либо героических или самоубийственных намерений.

Тогда как одна часть интеллектуалов и политиков, специалистов в области мысленных оговорок⁵³ за войну, хоть и скрепя сердце, а другая часть от всего сердца против, но также по причинам весьма смутным, все сходятся в одном: эта война существует, мы с ней столкнулись. И ни у кого не возникает вопросов относительно самого события и его реальности, относительно жульнического характера этой войны, запрограммированной иллюзии вечно откладывающейся битвы, вопросов об интриге этой войны, искусственно раздутой благодаря информации, не говоря уже о невероятной вакханалии средств, систематической манипуляции данными, искусственной драматизации... Если у нас нет практического понимания войны (а его нет ни у кого), давайте будем иметь хотя бы скептическое, не отказываясь при этом от патетического ощущения ее абсурдности.

Однако есть несколько видов абсурда: абсурд кровопролития и абсурд того, чтобы поддаться иллюзии кровопролития. Это как в басне Лафонтена: когда разразится настоящая война, вы даже не заметите разницы. Истинная победа программного моделирования войны состоит в том, что всех нас удалось втянуть в эту опасную симуляцию.

⁵² По всей вероятности, иракское командование отправило около двухсот своих самолетов в Иран в надежде сохранить их от уничтожения и использовать после завершения войны, однако иранская сторона впоследствии отказалась возвращать эти самолеты и включила их в состав собственных военно-воздушных сил.

⁵³ Мысленная оговорка [*reservatio mentalis*] – схоластическое изобретение ордена иезуитов. Смысл ее сводился к тому, что, сообщая заведомо ложную информацию иноверным, язычникам и еретикам или произнося клятву, иезуит не согрешит, если мысленно оговорится, например: Крестового похода не будет. (В этом году.)

Войны в заливе не было

Поскольку исход этой войны был предрешен заранее, мы никогда не узнаем, как бы она выглядела, если бы она произошла на самом деле. Мы никогда не узнаем, как выглядели бы принимающие в ней участие иракцы, если бы имели шанс победить. Мы никогда не узнаем, как выглядели бы принимающие в ней участие американцы, если бы имели шанс проиграть. Но мы узнали лишь, как выглядит сверхсовременный метод электрокуции, парализации, лоботомии, испытанный на подопытном противнике вне поля боя и без возможности реакции с его стороны. Но это не война. И даже 10 000 тонн бомб ежедневно не достаточно, чтобы сделать ее войной. И даже прямой трансляции по CNN, информации в реальном времени не достаточно, чтобы установить подлинность войны. Вспоминается фильм «Козерог один»⁵⁴, в котором полет пилотируемого корабля на Марс транслировался в прямом эфире всеми телекомпаниями мира, но на самом деле его никогда не было и все происходило на студии в глухой пустыне.

Мы говорили о хирургической войне, и действительно есть что-то общее между этим поражением противника *in vitro* [в пробирке] и экстракорпоральным оплодотворением – в результате последнего также возникает живое существо, но этого недостаточно, чтобы оно превратилось в ребенка. Как ребенок, кроме как при Новом Генетическом Порядке, возникает в результате половой связи, так и война, кроме как при Новом Мировом Порядке, возникает в результате антагонистической, разрушительной, но взаимной связи между двумя противниками. Эта война является асексуальной хирургической войной, это цифровая обработка войны [war-processing], где враг фигурирует только лишь в виде цели на экране компьютера, так же как сексуальные партнеры фигурируют только лишь в виде никнеймов на экране Minitel rose [прообраз сайта знакомств и видеочата]. Если подобное общение можно назвать сексом, то и войну в Заливе можно назвать войной.

⁵⁴ «Козерог один» – фантастический фильм 1977 года режиссера Питера Хайамса. Сюжет строится на обыгрывании деталей широко известной конспирологической теории – «лунного заговора» – применительно к несуществующей экспедиции на Марс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.